

Капитанъ Воиновъ.

естокая и неумолимая смерть тихо коснулась насъ своимъ мертвящимъ дыханіемъ, бурно всколыхнувъ многолюдный полковой муравейникъ своимъ страшнымъ и гнетущимъ, двойнымъ горемъ.

Застрѣлился капитанъ Воиновъ вмѣстѣ съ младшей дочерью нашего полковника Вѣрочкой Евичъ, лишь недавно окончившей мѣстный институтъ съ золотою медалью...

Застрѣлились при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, въ каретѣ, въ одиннадцать часовъ вечера, возлѣ нашихъ казармъ; онъ—изъ моего револьвера Ногана, а она—изъ его браунинга....

Вотъ это-то обстоятельство, что застрѣлился онъ изъ моего, подареннаго мнѣ отцомъ, Ногана сильно гнететъ и особенно мучаетъ меня, а, между тѣмъ, развѣ могъ я что-либо предположить два дня тому назадъ, когда онъ, такой веселый и смѣющійся, подошелъ ко мнѣ въ читальной комнатѣ и попросилъ мой Ноганъ, «чтобы срав-

нить, что лучше, браунингъ, только что имъ приобрѣтенный, или старый форменный Ноганъ?», что онъ рѣшилъ покончить счеты съ жизнью?

Правда, Воиновъ былъ боленъ наследственной чахоткой, но вѣдь не могло же это быть причиною самоубійства?

Говорятъ — романическая подкладка, приводятъ различныя предположенія, догадки, но все эти стереотипныя, банальныя опредѣленія загадочной и двойной смерти, принесшей столько ужаснаго, не поддающагося никакому описанію горя бѣдной любящей семьѣ Вѣрочки Евичъ, развѣ можетъ что-либо опредѣлить, сказать, внести хоть какой-нибудь лучъ свѣта въ ту тяжелую и мрачную атмосферу, что надвинулась надъ родными и надъ нашимъ полкомъ?

Съ мучительною тоскою уныло входилъ я послѣ панихиды къ себѣ домой, какъ вдругъ возлѣ садовой калитки встрѣтилъ знакомаго почтальона, подавшаго мнѣ какой-то запечатанный большой конвертъ.

Я вошелъ въ свой баракъ и вскрылъ пакетъ, въ которомъ нашелъ письмо и тетрадь. Быстро разрываю письмо и наскоро пробѣгаю глазами:

«Дорогой мой Александровъ, прими отъ уходящаго отъ жизни друга Георгія его дневникъ и не поминай меня лихомъ!

Твой Воиновъ».

Небольшая тетрадь, на внутренней обложкѣ которой вклеенъ портретъ Вѣрочки Евичъ, вся исписана мелкимъ, яснымъ, хорошо знакомымъ, почеркомъ погибшаго друга, у котораго я предполагалъ быть шаферомъ....

Я всматриваюсь въ ея портретъ.

Оригинальный поставъ русой красивой головки. Грустные большіе глаза. Что-то особенно чистое, возвышенное и нетронутое въ ея задумчивыхъ, правильныхъ чертахъ и въ тонкомъ нѣжномъ овалѣ лица, на которомъ, казалось, застыла грустная предсмертная улыбка.

Какая-то сила потянула меня вдругъ къ дневнику, въ его страницы, въ бездну мелкихъ и тонко исписанныхъ строкъ, заставила меня углубиться въ душу такъ рано ушедшаго милаго друга.

Наскоро перелистываю страницы, нетерпѣливо пробѣгая пытливыми глазами, словно ища тамъ отвѣта на страшный, мучительный

вопросъ, и вотъ натыкаюсь на описаніе нашего большого полкового бала, на которомъ онъ сдѣлалъ ей предложеніе.

Передъ мною вдругъ открылось многое неясное, открылась чужая замкнутая душа, открылись длинныя мучительныя страницы сердце раздирающей драмы и я, полный ихъ сильныхъ, свѣжихъ и яркихъ впечатлѣній, взявъ въ руки перо, хочу передать ихъ въ свободномъ пересказѣ.

* * *

Была обыкновенная, холостецкая, пятница на другой день послѣ нашего большого полкового бала.

Воиновъ сидѣлъ одинъ, впотьмахъ, въ золотой гостиной. Въ полуоткрытую дверь изъ бѣлой двухсвѣтной залы вмѣстѣ со звуками струннаго оркестра, игравшаго на хорахъ, падалъ яркій бѣлый снопъ электрическаго свѣта прямо на картину занимавшую всю противоположную стѣну золотой гостиной.

Играли любимыя имъ аріи изъ «Пикової дамы».

Изъ отдаленной столовой доносился неясный шумъ ужинающихъ и быстрые, торопливые шаги прислуги по сосѣдному коридору.

Передъ его утомленными глазами проносились впечатлѣнія вчерашняго бала.

Вчера другой видъ имѣла эта темная гостиная Людовика XIV. Вчера она была вся залита ослѣпительнымъ моремъ электричества, падавшаго съ большой хрустальной люстры, сіяющій свѣтъ которой какъ-то особенно отгѣнялъ эту комнату, гдѣ въ углахъ въ высокихъ стильныхъ бра—юбилейномъ подаркѣ дамъ полка, ярко горѣли стеариновыя свѣчи, распространяя свой мягкій ласкающій свѣтъ.

Два большихъ зеркальных трюмо, отражая, множили красивые туалеты нарядныхъ дамъ, блестящіе военные мундиры, строгіе фраки штатскихъ.

На старомъ, почернѣломъ отъ времени и рѣдкомъ по исполненію, полотнѣ картины, отъ этого сильнаго яркаго свѣта были видны не только самыя мельчайшія детали парадныхъ формъ трехъ Императоровъ, но и отдѣльныхъ лицъ Государевой свиты, бѣлаго дворцоваго зданія и зеленыхъ лепестковъ вѣковыхъ деревьевъ громаднаго парка.

Старые жалаванные портреты, смотрящіе сегодня такъ холодно и строго, улыбались вчера ласковой царственной улыбкой.

Уголь гостиной, гдѣ онъ теперь сидѣлъ, съ гобеленами, массивными креслами, хрупкими ажурными стульями, маленькими изящными столиками и большимъ стильнымъ столомъ, былъ особенно ему дорогъ и милъ своею притягательною силою, такъ какъ тамъ сидѣла она, его Вѣрочка, съ ея модной прической и слегка прищуренными, серьезными, точно гипнозирующими глазами.

Это она, такая красивая и изящная, на богатомъ фонѣ этой золотой гостиной, цвѣтовъ, блестящихъ дамскихъ туалетовъ, большихъ зеркалъ, нѣжнаго гобеленоваго экрана — подарка дочери полка и пушистаго французскаго ковра, въ которомъ такъ мягко утопала ея пожка, вмѣстѣ со звуками торжествующей бальной музыки, наполняли его душу какимъ-то нервнымъ трепетомъ перваго волненія, первой поры свѣтлой и радостной любви.

А въ большомъ, веселомъ, бѣломъ, залитомъ ликующими огнями залѣ, гдѣ шелъ традиціонный балъ, ввозился въ это время матросами—мальчиками изъ школы солдатскихъ дѣтей типичный Петровскій ботикъ, съ массою котильонныхъ вещицъ и украшеній, орденовъ, souvenirs'овъ, букетовъ цвѣтовъ и жетоновъ, въ видѣ золотыхъ щитиковъ съ датою бала и полковымъ значкомъ.

Въ дверяхъ и на лѣстницѣ съ средневѣковымъ рыцаремъ стояли, отдавая честь, нижніе чины полка, одѣтые въ оригинальныя и пріятно ласкающія глазъ боевыя формы старыхъ давно прошедшихъ эпохъ.

Воиновъ все это помнить, хотя и не можетъ подробно рассказать, ибо рассказать балъ, какъ и рассказать сраженіе, невозможно—вспоминается ему вдругъ почему-то фраза изъ штудируемаго имъ Гамильтона, но онъ хорошо помнить свое настроеніе, мысли, этотъ безумный непрекращающійся вихрь сладкаго и упоительнаго вальса и ихъ короткую бесѣду въ полковомъ музеѣ подъ большимъ портретомъ талантливаго его основателя и перваго хранителя.

Здѣсь, въ тишинѣ хранилища сѣдой двухсотлѣтней полковой старины, такъ умѣло собираемой и бережно съ усердной любовью хранимой, имъ овладѣло, наконецъ, глубоко въ душѣ лелѣянная рѣшимость просить ея руки.

Она согласилась.

Это была чудная и вдохновенная минута слиянія ихъ молодыхъ и любящихъ душъ.

Сегодня она должна была переговорить съ родными и дать отвѣтъ.

Онъ сидѣлъ въ углу гостиной, тихій и серьезный, рѣшившій наиболѣе трудный моментъ своей жизни. Въ больной груди его все ликовало, нѣло и улыбалось. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, бесконечно счастливымъ, любящимъ, спокойно переживающимъ радостное блаженство вчерашнихъ минутъ.

Какъ это было?

И онъ въ сотый разъ, подробно, наслаждаясь остановками и захватывающими воображеніе прошедшими минутами, снова повторялъ себѣ вчерашнее объясненіе.

Воиновъ всталъ и, пройдя по комнатѣ, зажегъ электричество и вчерашняя картина вдругъ снова ярко встала передъ нимъ во всѣхъ ея подробностяхъ.

Онъ сѣлъ на диванъ, на ея мѣсто и, закрывъ лицо руками, погрузился въ мечты.

Прямо передъ нимъ на мраморной доскѣ стола стоялъ *sur-tout de table*, наполненный вчерашними цвѣтами, которыя еще были достаточно свѣжи и наполняли воздухъ сильнымъ запахомъ левкоевъ, чайныхъ розъ и пряной гвоздики.

Онъ долго смотрѣлъ на этотъ юбилейный подарокъ дамъ, въ которомъ принимала участіе и она, его милая, славная Вѣра.

Ему доставляло какое-то пріятное и неизъяснимое удовлетвореніе дотрагиваться до его частей, до бронзоваго ободка съ выгравированными факсимиле участвующихъ дамъ и ея милымъ дѣтскимъ росчеркомъ, В. Евичъ, и до нѣжныхъ благоухающихъ лепестковъ ея любимыхъ чайныхъ розъ.

Воиновъ опустилъ разгоряченный лобъ на гладкій, холодный мраморъ стола и снова принялся за свои нескончаемыя длинныя думы и за жгучую мучительную мысль о томъ, имѣть ли онъ больной наслѣдственной чахоткой, съ однимъ только легкимъ по увѣреніямъ врачей, раненый въ голову, нравственное право на счастье, на жизнь съ нею, милою дорогой Вѣрочкой, такой чистой, молодой, жизнерадостной, только что вступившей въ широко открытую дверь новой, совсѣмъ невѣдомой для нея, жизни?

Какой-то голосъ внутри его говорилъ: нѣтъ! но сердце, душа, только вчера пережитыя впечатлѣнія, вся свѣжесть только что прошедшей минуты, оставившей такое дивное радостное настроеніе,

отвѣчали: да! и пѣли, перегоняя другъ друга, о любви и возможномъ еще счастьѣ...

Онъ всталъ, потушилъ электричество, прикрылъ дверь гостиной и снова сѣлъ на свое прежнее мѣсто еще болѣе скорбный и угнетенный, чѣмъ прежде, тяжелымъ длиннымъ роємъ неотвязчивыхъ думъ и воспоминаній, что тѣснили его голову, словно тяжелымъ желѣзнымъ обручемъ...

Воиновъ досталъ свой карманный приборъ для куренія опиума, къ которому онъ пристрастился въ долгомъ плѣну у японцевъ; изъ маленькой фарфоровой чашечки высыпалъ нѣсколько зеленоватыхъ одурманивающихъ зернышекъ и, устроившись поудобнѣе въ глубокомъ мягкомъ креслѣ, затянулся сладкими и опьяняющими парами такъ знакомаго ему чудодѣйственнаго наркоза... Прошла одна только минута, а уже все тѣло его сразу стало какимъ то слабымъ, легкимъ и неосязаемымъ, почти безплотнымъ; въ груди, въ большой чахоточной груди, уже не ощущалось того глухого и унылаго чувства, которое такъ угнетало и мучило его, а мысли, только что еще такія ясныя, трезвыя, спокойныя и серьезныя, стали какими то свободными, отрывистыми и прозрачными, какъ тѣ воздушныя облачка, что такъ легко испаряются при первыхъ яркихъ лучахъ ранняго солнышка, и такими же болѣзненно-назойливыми, какъ тонкія черныя жала мохнатыхъ шмелей, словно впивающихся въ большой затуманенный мозгъ...

Чувство жути и страха охватывало его, и пять минутъ тому еще назадъ свѣжій, бодрый и анализирующій умъ вдругъ сразу сдалъ въ своей ясности, послѣдовательности и логичности.

Чувство ужаса овладѣло всѣми его чувствами и желаніями, но въ тоже время онъ сталъ воспринимать совсѣмъ еще незнакомыя, новыя и рѣзкія мгновенія невыразимо болѣзненнаго сліянія съ прекраснымъ сказочнымъ міромъ грезъ и сновидѣній...

Вотъ туманно промелькнулъ образъ Вѣры, словно путеводный маякъ въ густой морской мглѣ, и снова мучительно-сладостная истома, снова забытье, снова грезы, властно вступающія въ свои права...

Онъ еще пробовалъ бороться съ собой, слѣдить за своими мыслями и настроеніями, мелькающими какъ частые телеграфные столбы во время хода курьерскаго поѣзда, возстановляя съ неимоверными усиліями образъ своей спасительницы Вѣры... Но безрезультатно!..

Онъ силился закричать, силился нарушить этотъ страшный

кошмаръ. . Но привычное дѣйствіе опиума, словно могучая и неудержимо надвигающаяся океанская волна уже стремительно обрушилась на его обезсиленный мозгъ.

Знакомый міръ причудливо-художественныхъ красокъ уже окружалъ его своими сложно-запутанными арабесками, странно-загадочными рисунками какихъ то набросковъ, схемъ, штриховъ, фестоновъ, характерныхъ узоровъ, страшныхъ небывалыхъ кошмаровъ и далекихъ неясныхъ представленій золотого дѣтства...

Въ яркихъ воспоминаніяхъ проходили передъ нимъ картины и образы давно угасшей жизни, давно умершихъ лицъ, давно забытыхъ мелочей, дорогихъ и милыхъ тѣпей и беззаботныхъ сновъ счастливой юности...

Прошлое, будущее, вся жизнь его, онъ самъ, все это стало однимъ остро-болѣзненнымъ ощущеніемъ какого-то сложнаго и неопредѣленнаго чувства...

Послѣдніе проблески сознанія отлетѣли отъ него и онъ погрузился въ неоднократно имъ уже извѣданную сладкую и упоительную нирвану. Нескончаемый рядъ блуждающихъ представленій и картинъ его минувшей жизни. Война. Думы передъ нею... Разставаніе съ полкомъ, товарищами, ротой, мечты о смерти за отчизну.

Что сулитъ мнѣ будущее? Какую смерть несетъ? Вотъ первое, что бросилось ему въ голову по дорогѣ на театръ военныхъ дѣйствій. Но только не смерть подъ полковымъ знаменемъ, ибо полкъ остался въ Россіи...

Ляоянь, Мукденъ... Кровавое, кошмарное сраженіе, раны, плѣнь и снова мечты о полкѣ и товарищахъ, снова дорогія воспоминанія о немъ, вызывавшія у него умиленные слова:

«Полкъ, мой старый полкъ, мой любимый родной полкъ, моя семья, моя мечта, мои всегдашнія о тебѣ думы!»

Томительное пребываніе въ далекомъ плѣну и дружба съ ученымъ докторомъ-китайцемъ, такъ образно открывавшимъ передъ нимъ плѣнительныя картины великаго ученія Конфуція...

Картина возвращенія въ Россію съ уже дающей себя чувствовать наслѣдственной чахоткой и неизлѣчимою страстью къ опиуму, картина жизни въ любимомъ полку, встрѣча съ семействомъ полковника Евичъ и Вѣрочкой, только что окончившей мѣстный институтъ съ золотой медалью.

Это уже не была та Вѣрочка, которую онъ оставилъ, уѣзжая на Востокъ, такой хрупкой и неформившейся дѣвочкой съ не по

дѣтски серьезными глазами, а была прелестная и обворожительная дѣвушка—гордость и украшеніе семьи, предметъ настойчивыхъ ухаживаній многочисленныхъ кавалеровъ, вызывавшая цѣлыя бури вполне заслуженныхъ восторговъ при каждомъ своемъ появленіи на балахъ сезона...

Ему она сразу отдала преимущество передъ другими и въ немъ сразу вспыхнула настоящая страсть и большое, серьезное чувство.

Воиновъ бывалъ вездѣ, гдѣ бывала Вѣра, и вечеръ былъ для нихъ не вечеръ, если онъ или она не встрѣчались, но ихъ взаимныя симпатіи не были еще высказаны до этого бала въ памятную годовщину послѣдняго боя полка...

Онъ боялся, что согласіе родныхъ не будетъ дано изъ за его болѣзни и ея молодости.

— Что сдѣлать? Какъ быть? Но вѣдь она любить его, любить!!

.

— Ваше скородіе, а ваше скородіе! звалъ его, настойчиво шевеля за рукавъ, служитель собранія.

Сказка оборвалась...

Воиновъ очнулся, вздохнулъ и, широко открывая отяжелѣвшія, словно свинцомъ налитыя вѣки, недоумѣвающе посмотрѣлъ вокругъ себя, а солдатъ въ это время въ третій разъ докладывалъ:

— Ваше скородіе, отъ полковника Евича записка! Воиновъ попробовалъ взять себя въ руки и встряхнуться, но, промышавъ что то вродѣ:—хорошо, ступай! взялъ записку и, не выдержавъ, снова закрылъ глаза... Очарованіе продолжалось...

Лились отдаленные тихіе звуки какой-то нѣжной и убаюкивающей мелодіи, распространяя тонкій сладкій ароматъ, дышали розы, въ широкія окна падалъ мягкій лунный свѣтъ, чередовались думы...

Это было рѣдкое и необъяснимое состояніе, испытываемое лишь курильщиками опиума, познавшими сладостное блаженство этихъ нестерпимо острыхъ минутъ и радость сліянія съ безсмертной силой божественнаго забытья...

— Что ты, Воиновъ, никакъ опять за опиумъ? говорилъ вездѣ-сущій капитанъ Велимжовъ, тормоша его что есть силы за плечи. Это-же форменное безобразіе! Воиновъ! Больной, ему надо серьезно лѣчиться, смотрѣть за собой, беречься, а онъ—опять за старое!..

Сколько стоило усилій и напряженія воли, чтобы хоть немного отучиться, а онъ — снова за свое!..

Это чортъ знаетъ, что такое! И дернула-же тебя нелегкая попасть въ проклятый плѣнъ къ японцамъ и сдружиться тамъ съ этимъ твоимъ ученымъ докторомъ китайцемъ.

Эхъ, Воиновъ, Воиновъ!.. Да встань-же, наконецъ! Иди, умойся, выпей кофе и пойдѣмъ къ Евичъ, они насъ приглашаютъ!

— Къ Евичъ? Вѣрѣ?.. Ты думаешь? протеревъ глаза, переспросилъ Воиновъ.

— Ну, конечно, куда-же мы иначе съ тобою дѣнемся сегодня? Да вотъ и записку отъ нихъ ты держишь въ рукахъ... Нераспечатанная... На вотъ, прочитай!

— Отъ Вѣроньки! пронеслось у Воинова въ головѣ и онъ, собравъ всѣ силы, всталъ, потянулся и принялся за записку:

«Милый, милый Жорикъ, писала Вѣра, приходи сегодня, жду, не дождусь! Мама почти согласна, говорить только, что нужно подождать и полѣчиться тебѣ!

Твоя, вся твоя Вѣра».

— Идемъ Викторъ, идемъ, дорогой дружище, идемъ славный менторъ, дай только умыться!

— Ну вотъ, и давно-бы такъ, а то пропалъ и три битыхъ часа нигдѣ не найти его, словно въ воду кануль... У... у... влюбленный!..

* * *

Осенній вѣтеръ скоро будетъ завывать, страхнетъ плоды и листь съ деревьевъ, сомнетъ цвѣты и станетъ ихъ сметать. Коль хочешь рвать цвѣты, рви ихъ сегодня, — ты завтра можешь опоздать.

Митсуне.

— Добро пожаловать, ваше высокоблагородіе! привѣтствовалъ Воинова, по заведенному въ домѣ обычаю встрѣчать гостей, денщикъ полковника Евича, высокій и красивый солдатъ его роты, въ синей курткѣ безъ погонь, снимая съ него пальто и пашку и принимая фуражку и перчатки.

— Да вы-бъ, вашбродь, въ гастины пожалте!

— Нѣтъ, Петренко, я лучше пройду къ барышнѣ.

— Знаю, знаю, почему туда ходишь-то, думалъ, глядя ему въ слѣдъ, Петренко. Ну ходи, ничего, ходи, барышня замѣчательна,

добрящая, богатая, не даромъ валомъ такъ и валять всѣ, словно мухи на медь; ловкачи, что и говорить, но мы восьмую не выдадимъ; нѣтъ шалишь, не прозѣваемъ! Хорошій, ахъ, какой хорошій ротный, не даромъ люди-то души въ немъ не чають! Вчерась сказывали въ ротѣ-то: ты, Петренко, мотри, во, подсобляй ротному, рота вся, какъ есть, радеюнька этому будетъ, опять же и иконой благословляютъ... Дай Богъ счастья ему сердешному! Офицерство сказываютъ, я слышалъ, больной чахоткой—да, Богъ милостивъ!..

А Воиновъ, тихо ступая, шелъ въ это время въ ея комнату, забывши все и вся и помня только объ одномъ, о своей Вѣрѣ...

Вотъ она сидитъ въ бѣломъ изящномъ платьѣ, облегающемъ ея легкую и хрупкую фигуру, сидитъ, словно нѣжная фарфоровая куколка, какихъ такъ любили ставить подъ стекло въ гостиной наши бабушки.

Красота всей ея фигуры, русой милой головки, шеи, маленькихъ дѣтскихъ ручекъ и большихъ красивыхъ глазъ разомъ встала передъ нимъ, снова, какъ и каждый разъ, поражая его своей задушевной чарующей прелестью.

Что-то чистое, нетронутое, возвышенное и почти религиозное было розлито въ ея задумчивыхъ, серьезныхъ правильныхъ чертахъ и тонкомъ нѣжномъ овалѣ лица.

Она сразу замѣтила его и поднялась ему навстрѣчу, вся ласковая, нѣжная, трепетная.

— Милый мой!

— Вѣрочка, дорогая, чудная!

Воиновъ крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, крѣпко расцѣловалъ разгоряченное лицо, красивые лучистые глаза и замолкъ, словно виноватый.

— Наконецъ-то! Почему ты такъ поздно, что случилось?! шептали ея полураскрытыя губы... Но какой видъ у тебя, что ты милый? Больной? Бѣдный, бѣдный!... А глаза? Но, ради Бога, что съ тобою? Да ты такимъ еще и не былъ никогда!.. Да говори-же, говори! Что съ тобою?

— Такъ, ничего, Вѣрунчикъ. Просто не спалъ послѣ бала, вотъ и все!

— Нѣтъ, тутъ что-то не то, милый мой, ты, какъ будто, сегодня какой-то замкнутый?!

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойся, Вѣрочка. Все хорошо и ничего у меня не болптъ, а ты вотъ лучше сыграй мнѣ что-нибудь, а я отдохну здѣсь у тебя въ креслѣ за твоимъ письменнымъ столомъ.

— Ну хорошо! Разъ ты этого хочешь—я сыграю. Всѣ далеко и заняты своимъ весельемъ и я, милый мой Жорикъ, сыграю тебѣ то, что ты такъ любишь.

Она сѣла къ стоящему тутъ же роялю—подарку отца послѣ окончанія института и скоро звуки дорогого инструмента завладѣли имъ, увлекли къ сладкимъ прежнимъ думамъ, мечтамъ о Вѣрѣ....

Чудный призракъ далекаго и яснаго счастья всталъ сразу передъ нимъ въ звукахъ рояля.

Казалось, осенній вѣтеръ гуляетъ по широкому запущенному саду, бѣшено мчится по дорожкамъ, обрываетъ, рветъ и захлестываетъ жалобно крутящимися желтыми листьями старый покинутый домъ его далекаго милаго дѣтства.

И мчится дальше вѣтеръ, хочетъ ворваться во внутрь, въ покосившіяся двери, забитыя окна, давнымъ давно остывшій каминъ, у котораго такъ любила собираться его семья.

Стихли звуки, смѣнились нѣжнымъ тихимъ шопотомъ, мягкимъ шелестомъ зеленой листвы въ ясную лѣтнюю ночь, когда новый мѣсяцъ начинаетъ таинственно плести свои причудливыя сѣти.

Нѣжно лаская и убаюкивая, они звали въ безбрежную ширь радости, покоя, неземного, божественнаго счастья.

Старая, темная церковь съ мягко мерцающими лампадами у знакомыхъ почернѣлыхъ образовъ вдругъ ярко встала передъ нимъ. рисуя давно забытыя картины.

Это слова стараго, сѣдого, полковаго батюшки, благословляли его одинокаго и больнаго. Это горячая, пламенная молитва Вѣры, чистой и вѣрующей Вѣры, оплела его, какъ тончайшая сѣть паутины, какъ мельчайшая ткань занавѣсей, что покрывали окна ея комнаты.

Онъ вспомнилъ себя маленькимъ мальчикомъ, задыхающимся отъ крупа, которому вдругъ полегчало по молитвѣ матери, положившей ему подъ подушку освященную на гробницѣ св. Митрофанія бархатную скуфью, и онъ снова почувствовалъ себя слѣпо жаждущимъ такого-же исцѣленія, какъ и прежде, такого-же восстановления здоровья, силы, бодрости духа.

Мысль, какъ-бы перерождаясь въ немъ, производила какой-то небывалый приливъ религіознаго чувства, словно его подхватывала и уносила могучая волна большого, свѣтлаго подъема духа и, въ порывѣ его, онъ вдругъ снова сталъ мучительно думать о томъ, какъ поступить?

Жениться на ней, такой чистой, здоровой и цѣломудренной, ему, больному и пристрастившемуся къ опиуму, да что же онъ дѣлаетъ? Да имѣеть ли онъ нравственное право?

Воиновъ всталъ съ своего мѣста и нервно заходилъ по комнатѣ большими шагами.

Но что же дѣлать, что?

— Что съ тобою, Жорикъ мой?

Воиновъ остановился, провелъ рукою по лбу и, собравшись съ мыслями, сказалъ:

— Да вотъ, все думаю о томъ, будешь-ли ты счастлива со мною? и онъ припалъ своими воспаленными губами къ ея тонкимъ длиннымъ пальцамъ, ставъ передъ нею на колѣни, весь скорбный, измученный своей тоскою...

Такъ протекла минута.

— Жорикъ мой, глупенькій, отвѣчала Вѣра, какъ только можешь ты все это говорить, какъ ты можешь думать, что я несчастлива? Да я такъ счастлива, какъ никто никогда еще не былъ счастливъ! Можетъ быть, другимъ, и я это знаю, даже и холодно отъ моего счастья, но мнѣ, вѣришь-ли, милый, мнѣ жарко отъ него, и что-бы тамъ ни было, но я не измѣню тебѣ, никогда не измѣню, не смотря ни на что!. Но надо идти, Жорикъ, вдругъ спохватилась она, слышишь насъ зовутъ, завтра снова увидимся!..

Онъ хотѣлъ поцѣловать ея на прощанье, но въ дверь кто-то постучалъ и предупредительный голосъ Петренко сообщилъ:

— Барышня—просятъ въ гостиную.

Воиновъ направился къ дверямъ, но Вѣра обвила его шею руками и прижалась къ нему, вся полная любви, ласки, довѣрія...

— Милый, милый Жорикъ, о еслибы ты зналъ, какъ я безумно люблю тебя, любила и раньше, когда ты еще не обращалъ на меня вниманія, а я была еще институткой передъ твоимъ отъѣздомъ на этотъ противный Востокъ

Но тутъ раздался звукъ шпоръ и легкое покашливаніе и черезъ минуту, въ дверяхъ комнаты, показалось симпатичное, доброе лицо полковника Евича.

— Здравствуйте, батенька, спѣшите въ гостиную, съ какой-то ласковой интонаціей въ голосѣ привѣтствовалъ онъ Воинова; слышалъ, батенька, слышалъ. Ну что-же, я согласенъ, вотъ только

поправляйтесь и Господь да благословить васъ! Ну теперъ идемъ къ намъ, тебя давнымъ давно ждутъ, не дождутся.

И полковникъ, расцѣловавшись съ Воиновымъ, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ гостиную, черезъ столовую, гдѣ накрывали большой богато убранный столъ...

* * *

Скоро конецъ разлуки... Душа уже видитъ во снѣ блестящія крыши Касуги, и домъ на родной сторонѣ, и всякій листь на деревьяхъ, и на дугу цвѣты, и дальняго лѣса контуры въ серебряномъ цвѣтѣ луны.

Абено Накамаро.

Письмо Воинова къ Вѣрѣ:

Меранъ.

«Съ тяжелымъ чувствомъ грусти разстался я съ тобою. Такъ мало времени мы знали другъ друга и такъ скоро сошлись.

Это бываетъ тогда, когда духовныя струны одного сердца бьются въ униссонъ со струнами другого, когда люди имѣютъ общій имъ сродственный мѣръ понятій, взглядовъ, привычекъ, настроеній.

Насъ познакомилъ и соединилъ вмѣстѣ—полкъ. Полкъ, мой старый славный полкъ далъ мнѣ тебя родимую, чудную, милую Вѣру.

Общность нашихъ полковыхъ взглядовъ, обычаевъ, традицій скрѣпила наши родственныя полковыя души.

Ты и я—дѣти офицеровъ полка. Но твой отецъ, любимый и уважаемый всѣми, живъ, а мой—остался на нолѣ брани; его я не помню, но полкъ, полкъ помнитъ его въ своемъ музеѣ и знаетъ такъ же хорошо, какъ мы всѣ твоего отца. Разказы о смерти моего отца всегда наполняли мою душу свѣтлой радостью, съ затаенною мечтою также погибнуть во славу русекаго оружья.

Но судьба сулила мнѣ иначе!

Я вернулся съ войны только раненымъ.

Здѣсь въ Меранѣ я скучаю по полку и тоскую по тебѣ, никакъ не умѣя свыкнуться съ мыслью, что тебя тутъ нѣтъ.

Мнѣ всюду слышится твой голосъ и порою кажется, что вотъ, вотъ я увижу тебя.

Кругомъ меня—все чужое, холодное и бездушное. Чуждая мнѣ обстановка, чуждыя привычки, порядки и я, ни во что не желая

входить, только и живу радостною мыслью о тебѣ и о нашемъ далекомъ полку.

Я не помню, какъ началось наше сближеніе, я знаю только одно, что хорошо мнѣ было съ тобою!

Вспомни только балъ; вѣдь не было сказано ни одного слова особеннаго, не было никакихъ клятвъ и увѣреній, но все это какъ-то чувствовалось и висѣло въ воздухѣ. Всѣ чувства мои полны тобою и воспоминаніями, какъ все это было.

Твое послѣднее письмо такъ меня тронуло, что я все хожу и думаю о немъ и о скоромъ свиданіи съ нѣжнымъ безконечно дорогимъ другомъ, связывающимъ меня, одинокаго и больного, съ этимъ печальнымъ и скучнымъ міромъ. Скорѣй бы конецъ разлуки нашей!

А. Лангъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

